

Марина Заболотная

Драматург

ПОВОД встречи — премьера. Совсем нетрудно угадать побывавшего на премьере этого спектакля: дня три он будет безотчетно напевать себе под нос слова романса «В лунном сиянии...», потому что звучит в памяти голос Смольяниновой. В черно-белой графике Александра Орлова свет луны и пронзительная мелодия составляют звенящую ткань спектакля «Лунные волки» по пьесам Нины Сагур. Режиссер Владимир Туманов.

Место встречи — Молодежный театр на Фонтанке.

Время — после премьеры.

Это и заставило вновь снять с полки сборник пьес Сагур и кое-что перечитать. Ну, например, слова Нины о себе: «Своими литературными учителями считаю В.С.Розова и безвременно ушедшего Женью Харитонову, двух разных писателей; общее между ними то, что ни один из них ни разу не солгал в письме».

— Харитонову мало печатали. Чтобы понять, что такое Харитонов, надо издать его книгу. Эта книга вышла в прошлом году в издательстве «Глагол». Многие почему-то обращаются именно ко мне по этому поводу. Вероятно, потому, что я писала о нем. Он был

Мистик Нина Сагур.

очень болезненно переживаю плохие постановки моих пьес.

— А пьеса всегда должна жить на сцене?

— В идеале — да.

— И вас не может удовлетворить собственная выговоренность в момент окончания работы над пьесой? Ведь ее читают!

— Теперь-то я отношусь к этому спокойнее. Но проза все-таки может передать некоторые нюансы, какие пьесе недоступны.

— В прозе вы чувствуете себя свободнее?

— Я чувствую себя по-другому. Там другие способы передачи мироощущения. Когда я пишу пьесу,

КАЖДАЯ БАБА ЕСТЬ МИСТИК

Нина Сагур: «Искусство — дело волчье»

Независимая газ. — 1994. — 16 февр. — с. 5

человек насквозь театральный. Был режиссером. Закончил ВГИК, актерское отделение (класс Романа), вместе с Соловьевым, Тарковским, Шукшиным. Позже защитил диссертацию по сценарию. Долгое время работал в Московском театре мимики и жеста. Были у него замечательные спектакли. Помню «Очарованный остров». На «Недоросле» я была единственным зрителем. Главный режиссер закрыл спектакль.

— За что?

— За легкость движения, скажем так... Все же очень просто. Под запретом было все, что имело отношение к искусству. А Женя — независимая личность, прежде всего. Я не специалист по пантомиме, но в «Недоросле» Харитонов, как мне показалось, не было статичного воспеваания гармонической личности. Все было как-то надломленно, надсадно и... очень смешно. Удивительно, правда? За что запрещать? Но — нельзя! Эстетика другая.

— Откуда пришло к вам желание писать пьесы?

— Это была какая-то странная история. Я подумала про театр с точки зрения литературы. Меня заинтересовала заданность формы. Вместили все, что возможно, литературно. Там же сценические воплощения бесконечны! Все эти размышления были абсолютно абстрактны и не связывались с какой-либо театральной фигурой или театральной эстетикой.

Когда меня сравнивают с абсурдистами — это неправильно. Театр абсурда весь выстроен на жесткой логике. А мои пьесы совершенно иные, на импульсе. На импульсе чувствования, которое рождает мысль. Поэтому никакой холодно-мозговой логики там искать нельзя. Мои пьесы совершенно не западные. Уж если и говорить о близости или родстве кому-то — это обзриуты.

— Почему же вы теперь предпочли прозу драме? В чем преимущество? Или это просто момент жизни? Кажется, что может быть сильнее хорошей пьесы: ведь это концентрированная проза!

— Это да... Но я так напугана театральными постановками, что постепенно от театра отучилась. Я

перестраиваю глаз, что ли. Это иная техника.

— Работая над пьесой, вы видите живой театр?

— Нет, в этом смысле мне театр не нужен. Я абсолютно точно вижу слово, слышу язык. Язык в форме диалога. Не опосредованно, а чистые разговоры людей, конкретных персонажей. И в этот разговор я должна вложить всю информацию о персонаже.

— Последняя ваша пьеса, опубликованная в журнале «Театр» за прошлый год...

— А название вы не помните?

— Именно название меня сбilo с толку. Оно очень сложное, инородное какое-то...

— «Черти, суки и...»

— Да.

— Вот повод — не уступать властям! Вообще-то эта пьеса называлась у меня «Честное будущее». Смешное название! Когда главный редактор журнала прочитал пьесу, он сказал, что название слишком советское (нервный смех). Класс! Это даже не бестыдство. Этим надо восхищаться. Я очень жалею, что уступила тогда, это не мое название. Теперь я везде его снимаю. Вообще-то я сейчас плотно занимаюсь прозой.

— К какому литературному поколению вы себя относите по духу?

— А ни к какому. Я сама по себе... После Харитоновой есть еще один важный для меня художник: Венедикт Ерофеев. И еще один. Только он как бы не того размера, что ли. Эдуард Лимонов. Великолепный лирический поэт, русский, пронзительный... Еще начало века мне близко, но мироощущение там иное. Потом Гофман, сумрачный Гауф. Волшебный мир. Платонов. Блок. Белый. Из нынешних мне никто не нравится. Но эта полоса пройдет. Что-то должно появиться. А что, что есть — от Виктора Ерофеева до нынешних молодых из московской плеяды, — это ужасно. Это постыдно. Литература для бедных.

— Кого вы подразумеваете под московской плеядой?

— То литературное окружение, которое называет себя авангардом: начиная с Петрушевской и до самых молодых.

— Вы и Петрушевскую не признаете?

— Это такой Советский Союз. Совершенно социальное. Она и борец с советской властью, и ее певец. Но пишет она все-таки мастерски. А настоящая литература должна еще прийти. Русская.

— Часто ли режиссер вашей пьесы становится единомышленником?

— Года два назад в вашем городе я видела великолепный спектакль в студии Малеванной — «Любовные люди». Мне так жалко, что это все куда-то ушло. Хороших постановок мало, блестящих — только у Туманова. Он меня знает давно, ставил много лет назад, еще в Вильнюсе. Это единственный режиссер, который знает мое «я» лучше, чем я сама. И его новый спектакль здесь, в Молодежном, блестящий. Кроме того, что это грамотно, культурно, красиво, это глубоко духовно! Я знаю специфику Туманова. Он никогда актера не выжимает сразу. Он напитывает его духовно, и со временем все актеры станут играть так, как сейчас Кухарешин. А сам Кухарешин опять будет выше всех! Они наберут обязательно...

— Скажите, а «Панночка» — вся ваша?

— Она стала моей.

— Как это у вас получилось там жутко-ведьминское...

— Что значит, как получилось: каждая баба есть мистик. Я постоянно об этом кому-то рассказываю. Как они ко мне прилетели, как улетели. Это уже не имеет смысла. Если сформулировать кратко, то так: Гоголь позволил мне это сделать. Вот лично мне — лично Гоголь. Это не то что кокетство. Я никоим образом не сопоставляю себя с Гоголем. Но мне было дозволено. Я, например, обожаю Лескова. Но когда писала его — вышла чистая инсценировка, потому что он не мой, не из моего мира. Как-то раз я зачитывалась публицистикой А.Белого. Он рассказывал о «Страшной мести» Гоголя. Только тогда я поняла, что значит обжечься Гоголем. Я им тоже обжглась. Я просто его пересказала... Когда говорят — от неграмотности! — что это выше Гоголя, это так стыдно.

— Женовач в свое время очень «произвучал» постановкой «Панночки».

— Это эстетизированная история, красивая, изящно сработанная, но неглубокая. Проверка каждой вещи — ее финал. В том спектакле его не было. Насколько я помню, режиссерское мироощущение было вот каким. Все должно быть по-человечески. Все вместе... Это такая немножко общага — немножко комсомолия. А искусство — дело волчье. И каждый там один. Человек гораздо глубже, чем в теплом человеческом общении. Поэтому пьеса-то про колодец такой бездны одиночества!

— Но про одиночество можно сказать и безотрадно, и весело.

— Можно весело. Только дело в том, что пьеса даже не безотрадна. Эта пьеса ужаса жертвенности. Когда твоей жертвы мир просто не заметил! И это трагично.

— А где еще вы видели свои пьесы?

— Совсем недавно в Омске. Опять «Панночку» в постановке Стукалова. И художник тоже ваш, Орлов. Прекрасный спектакль, богатый, красивый.

— Что следует понимать под словом «богатый»?

— Это... как ваши парадные.

— А-а... Чтобы штукатурка сыпалась, но и бронза блестела!

— И кусочек неба... Какое там небо! Стольких оттенков! Бездна... Он богатый в том, как сделан. Как актеры существуют в нем немного наивно, немного гротескно, как валяжный человек от избытка чувств. Эта «Панночка» о том, как детская душа цветет среди богатого лета, о первозданном человеке. Языческий спектакль. А финал какой там изумительный! Я ахнула, когда загорелось алым, почти вишневым цветом небо и открылась вдруг бездна. Неожиданно выбежала стайка детей 3—4-х лет в рубашонках. Они бегут, бегут. И вдруг один сел на краю бездны кверху попой и заглянул вниз. И еще один... а потом надоело, и все убегают. Один мальчик подбежал и в эту бездну пописал! Человек остается человеком. Он пописал в бездну! Девчонка ему говорит: «Дурак!» А он: «Сама дура» — и убежал. Я аж призаиводила...